

Кадетскіе корпуса, ихъ невзгоды и нужды.

(Продолженіе ¹⁾).

IX.

Что же необходимо сдѣлать, чтобы ученіе въ корпусахъ стало для юношества путемъ къ истинному воспитанію ума, воли и характера, чтобы работа педагоговъ и добросовѣстный трудъ воспитанниковъ принесли живые плоды?

Напрасно думать, что этого можно достигнуть перекраиваньемъ курса, перетасовкою предметовъ и расширеніемъ математическаго кругозора учащихся, вдавливаніемъ въ программу новыхъ статей, въ изученіи которыхъ составители программъ не видятъ для самихъ себя затрудненій и хотятъ обязать кадетъ не видѣть ихъ и для себя; за всѣмъ этимъ не скрыть истины, что необъятнаго обнять нельзя. Необходима рѣшительная реформа, которая приноровила бы ученіе къ среднимъ дѣтскимъ силамъ, нашла для него сочувственный откликъ въ дѣтской душѣ и дала возможность учителю не колья вбивать въ ученическія головы, а развивать самостоятельную заботливость живого ихъ разума. Необходимо отбросить мысль о всеобъемлющемъ общемъ образованіи, добиваться не твердаго усвоенія школьнаго матеріала, а широкаго развитія; надо удалить лишніе учебные предметы или категорически обуздать ихъ программы, надо отказаться отъ курса непремѣнно реальнаго типа и раздвоить его для возможности согласованія ученія съ природными склонностями учениковъ, предоставивъ послѣднимъ достаточное время для

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 7.

самостоятельной работы; слѣдуетъ, наконецъ, умѣрить требованія для поступающихъ въ первый классъ.

Начальная кадетская школа. Мы имѣли уже случай сказать, что, принимая новичковъ, корпусъ лишенъ возможности опредѣлить, кому изъ нихъ пригодно реальное и кому—гуманитарное образованіе; не можетъ также корпусъ угадать, кто изъ вновь принятыхъ мальчиковъ окажется способнымъ воспринять среднее образованіе. Теперь корпуса не имѣютъ надобности задумываться надъ этимъ, но для дѣтей здѣсь кроется важный жизненный вопросъ; его необходимо рѣшить, использовавъ начальный періодъ ученія. Для этого надо три младшихъ класса корпуса превратить въ начальную школу, которая явится испытателемъ и распредѣлителемъ учениковъ и должна поставить себѣ тройкую задачу. Прежде всего пусть она опредѣляетъ типъ образованія, соответствующаго способностямъ каждаго воспитанника, и посильность для него средне-образовательнаго курса. Не можетъ быть сомнѣнія, что три года систематическаго изученія способностей и наблюденій надъ ходомъ развитія и успѣхами учебнаго труда дѣтей дадутъ совершенно достаточный матеріалъ для рѣшенія такой задачи. Пробнымъ камнемъ, на которомъ будетъ высѣченъ дальнѣйшій учебный путь маленькихъ кадетъ, явится, конечно, курсъ математики.

Вторая цѣль нижней кадетской школы выразится въ накопленіи основныхъ знаній изъ области религіи, русскаго и иностранныхъ языковъ, жизни родного народа, жизни природы и въ изученіи законченнаго курса ариеметики съ добавленіемъ пропедевтическихъ свѣдѣній изъ алгебры и геометріи. Желательно, чтобы програма начальной школы была такъ соображена, чтобы тѣ ученики, которые окажутся безсильны одолѣть средне-образовательный курсъ и принуждены будутъ покинуть корпусъ, унесли съ собою цѣнный въ жизни образовательный багажъ: въ настоящее время наши средне-учебныя заведенія бездушно относятся къ такимъ юношамъ, удаляемымъ изъ ихъ стѣнъ съ совершенно пустыми руками.

Послѣдняя задача начальной школы должна состоять въ развитіи и обработкѣ природныхъ дарованій и способностей, въ возбужденіи пытливости и наблюдательности, въ пріученіи дѣтей къ классной внимательности, къ умѣнію выслушивать чужую мысль, сосредоточиваться въ продолжительной умственной работѣ, пользоваться учебникомъ и ясно излагать свои мысли. Въ школѣ-испытателѣ ученье должно вестись съ педантической тщательностью: все должно быть выяснено, разобрано въ классѣ, задано для само-

стоятельнаго усвоенія и повторяемо при опросахъ. Суть дѣла заключается, конечно, въ той работѣ, которая будетъ исполнена учениками во время урока подѣ направляющимъ руководствомъ преподавателя, а не въ долбнѣ при подготовкахъ къ слѣдующему дню.

Результаты ученя въ начальной школѣ создаютъ основанія для рѣшенія участи для воспитанника и потому въ пользованіи этими данными обязательна крайняя осмотрительность. Духовное развитіе каждаго мальчика совершается своимъ особымъ путемъ, иной разъ непрерывно и быстро, въ другихъ случаяхъ съ остановками и запаздываніемъ, поэтому ученье въ школѣ-распределителѣ необходимо завершать безъ всякой торопливости и для провѣрки возможныхъ сомнѣній очень умѣстно прибѣгать къ оставленію малоуспѣвающихъ учениковъ на второй годъ въ классѣ.

Мы считаемъ существеннымъ особенно подчеркнуть, что роль учителя въ этотъ важный и опасный періодъ не только трудна, но и чрезвычайно отвѣтственна, такъ какъ работа педагога кладетъ здѣсь неизгладимую печать на продуктивности всего будущаго ученя, тутъ въ высшей степени необходимъ даровитый и опытный руководитель. Намъ поэтому глубоко антипатиченъ терминъ «учитель младшихъ классовъ»: онъ какъ бы съ пренебреженіемъ говорить, что въ этихъ классахъ еще нѣтъ серьезнаго дѣла, а идетъ полузабава, и нѣтъ бѣды, если ее ведутъ спустя рукава.

Верхняя кадетская школа. Четыре старшихъ класса кадетскаго корпуса должны составить верхнюю кадетскую школу съ систематическимъ курсомъ, раздвоеннымъ на два отдѣленія—гуманитарное и реальное; въ эти отдѣленія надлежало бы направлять кадетъ, сообразно съ тѣми показаніями, какія дастъ ученье въ низшей школѣ.

Раздвоеніе курса потребуетъ, особенно въ первое время, немало труда со стороны руководителей педагогическаго дѣла, и потому мысль о такой реформѣ многими, вѣроятно, не будетъ благосклонно встрѣчена.

Намъ привелось коснуться этого вопроса на воспитательскомъ съѣздѣ въ 1908 году, позднѣе мы возбудили его въ болѣе определенной формѣ въ связи съ предположеніемъ о сокращеніи программъ. Безмолвнымъ отвѣтомъ на сдѣланный нами шагъ послужило включеніе въ корпусный курсъ химіи, механики и краткаго ученя о безконечно-малыхъ величинахъ. Мы не перестаемъ сожалѣть о томъ, что такое жестокое новшество получило осуществленіе. Учебное вѣдомство будто остерегается быть чуткимъ и гибко приспособляться къ порученной его заботамъ дѣтской душѣ; оно

точно боится унижить этимъ свой престижъ въ глазахъ учащейся молодежи. Но мы не теряемъ надежды, что время окажетъ свое вліяніе: вопросъ, вѣдь, о раздвоеніи курсовъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ уже давно сдѣлалъ свой первый шагъ, онъ воплощаетъ въ себѣ борьбу съ чрезмѣрностью школьной требовательности и возникалъ именно тогда, когда, какъ и теперь, эта требовательность переходила границы. Еще въ первые годы царствованія Императора Александра I была образована коммиссія для составленія «Плана военнаго воспитанія». По этому плану предназначавшіеся для военной службы дѣти дворянъ начинали школьное ученіе въ губернскихъ гимназіяхъ, которыя предлагали имъ свой, нѣсколько измѣненный, курсъ. Здѣсь уже обнаружались первые намеки на раздвоеніе учебнаго курса. По окончаніи пяти лѣтъ признанные годными для военной службы юноши должны были переходить въ одинъ изъ двухъ петербургскихъ высшихъ дворянскихъ корпусовъ; въ этихъ школахъ предполагался четырехлѣтній курсъ и съ третьяго года намѣчалось преподаваніе высшей математики, механики и проч. Императоръ Александръ I сдѣлалъ на проектѣ такую помѣтку: «Какъ нельзя предполагать, чтобы всѣ могли имѣть одинаковыя способности для продолженія высшихъ наукъ, для третьяго и четвертаго годовъ назначаемыхъ, то нахожу полезнѣе не полагать непремѣннымъ правиломъ для тѣхъ изъ кадетъ, кои прочтуть себя въ пѣхоту, и кавалерію, оныя проходить; сіи же два года употребить на повтореніе наукъ, коими до того времени занимались, присовокупя къ нимъ тѣ курсы изъ 3 и 4 годовъ, кои по усмотрѣнію окажутся необходимы». Будемъ надѣяться, что и для кадетскихъ корпусовъ просіяетъ свѣтъ такого гуманнаго рѣшенія.

Раздвоеніе курса старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ въ сущности повторило бы фактъ существованія двухъ видовъ общаго образованія въ гражданской средней шквлѣ, но, вѣдь, военныя училища не страшатся принимать молодыхъ людей, окончившихъ и гимназіи, и реальныя училища безъ различія, не смущаясь даже тѣмъ, что эта молодежь не подвергалась пропитыванію воинскимъ духомъ, и жизнь обнаружила полную основательность такой рѣшимости: многіе изъ бывшихъ юнкеровъ именно этой категоріи, отлично завершившіе образованіе въ Николаевской военной академіи, занимаютъ выдающіеся служебныя посты въ рядахъ арміи. Почему же, въ такомъ случаѣ не раздвоить корпуснаго курса, если интересъ ученія оказался бы въ выигрышѣ отъ этой мѣры?

Со стороны осуществимости намѣченной реформы мы не пред-

видимъ серьезныхъ возраженій. И въ настоящее время въ каждомъ классѣ корпусовъ имѣется не менѣе двухъ параллельныхъ отдѣленій, въ которыхъ воспитанники распредѣляются совершенно случайно, если же распредѣленіе совершится на основаніи вѣскихъ данныхъ учебнаго опыта въ начальной кадетской школѣ, то это, конечно, не сдѣлаетъ его менѣе допустимымъ.

X.

Курсъ верхней школы. Основная цѣль раздвоенія курса кадетскихъ корпусовъ заключается въ сближеніи ученя съ духовной натурой ученика, такъ какъ только при такомъ условіи ученье становится вполне продуктивнымъ и воспитательнымъ. Надо же перестать растрчивать дѣтскія души безплодными терзаніями на ворохъ премудрости, который специалисты всѣхъ видовъ нагребли для того, чтобы забить юношескія головы знаніями, отвѣчающими на каждый случайный запросъ жизни. Возможно, напримѣръ, что когда нибудь птица случайно свалится въ воду, а рыба будетъ выброшена на берегъ; но изъ-за этого, конечно, никому не придетъ въ голову заставлять курицу научиться плавать съ искусствомъ и граціей лебедя, а рыбу—съ ловкостью и быстротой мысли двигаться по песку. Умъ и сердце каждаго ученика должны, наконецъ, получать возможность найти въ школѣ родныя имъ стихіи и по возможности жить только въ нихъ.

Въ каждомъ отдѣлѣ верхней кадетской школы общеобразовательный курсъ долженъ быть соотвѣтственно полнымъ и содержать соразмѣрныя трудности, вызывающія работоспособное напряженіе духовныхъ силъ. Въ каждомъ отдѣлѣ должны быть свои главные и второстепенные предметы; не можетъ быть, разумѣется, рѣчи о томъ, чтобы изъ курса гуманитарнаго были совершенно исключены математическіе предметы и физика или, чтобы въ реальномъ отдѣленіи вовсе не знакомили съ литературой, исторіей и не касались основныхъ понятій о нравственности, но необходимо, чтобы второстепенные предметы заключали въ своихъ програмахъ очень ограниченный и сжатый матерьялъ, освобожденный отъ тщательныхъ доказательствъ, объясненій, иллюстрацій и чтобы по нимъ не назначалось обязательныхъ практическихъ занятій.

Въ курсѣ реального отдѣленія главными предметами скажутся: Законъ Божій, ариометика, алгебра, геометрія, тригонометрія, аналитическая геометрія, начала высшаго анализа, физика, естествознаніе и черченіе, а второстепенными—русскій и одинъ изъ иностранныхъ языковъ, русская словесность, исторія, географія, космо-

графія и рисованіе. Въ гуманитарномъ отдѣленіи первенствующими явятся Законъ Божій, русскій языкъ со свѣдѣніями изъ славянскаго языка, словесность, краткій курсъ логики и психологіи, исторія и одинъ изъ иностранныхъ языковъ, на второмъ планѣ стануть географія, естествознаніе, физика, алгебра, геометрія и рисованіе. Нечего и говорить, что просторъ, освобождаемый сокращеніями во второстепенныхъ предметахъ, слѣдуетъ использовать на расширеніе занятій по главнымъ.

Извѣстно, что въ младшихъ классахъ при выборѣ занятій воспитанники искренно довольствуются указаніями и назначеніями, дѣлаемыми преподавателями; это вполне соответствуетъ ихъ возрасту и ступени развитія. Иное дѣло въ старшихъ классахъ, здѣсь среди учениковъ проявляется самостоятельность, выдвигающая свои запросы; юноши стремятся установить личные взгляды на жизнь, сравниваютъ ихъ съ міросозерцаніемъ другихъ и проч. Намъ думается, поэтому, что слѣдуетъ положить различіе въ учебной работѣ младшихъ и старшихъ кадетъ, въ ученіи послѣднихъ дать мѣсто личной инициативѣ и отвѣтственности, допустить нѣкоторую свободу выбора и ослабить непрерывность руководства и надзора. Въ высшихъ классахъ ученикамъ надо предоставить право предпочтительной работы съ излюбленными предметами при условіи, чтобы такія занятія были связаны съ систематическимъ сверхпрограмнымъ учебнымъ трудомъ въ области избранныхъ знаній подъ руководствомъ и контролемъ преподавателя.

Преобразования въ постановкѣ учебнаго дѣла непременно должны коснуться условій пріема. Отъ поступающихъ въ первый классъ дѣтей возможно требовать только знанія молитвъ, понятія самыхъ выдающихся моментовъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, умѣнья читать и списывать съ книги, быть знакомыми съ нумераціей и умѣть письменно выполнять сложеніе и вычитаніе, ограничиваясь предѣлами трехзначныхъ чисель. Такими пріемными требованіями, какъ мы припоминаемъ изъ личнаго опыта, съ успѣхомъ довольствовались военныя гимназіи даже въ то время, когда онѣ переформировались изъ шести въ семиклассныя и принуждены были распредѣлить значительную часть добавляемаго седьмого года на программы существовавшихъ шести классовъ. Это сохранить дѣтскіе мозги отъ уродованія безтолковымъ приготвленіемъ къ школѣ, облегчить работу послѣдней и сдѣлать болѣе продуктивнымъ ея окончательный итогъ. Безъ всякаго сомнѣнія лучше всего было бы—заботу о подготовкѣ будущихъ кадетъ къ вступительнымъ экзаменамъ возложить на корпуса и открыть при нихъ подготовительные

классы. Такая мѣра, обоюдная выгодность которой быстро сдѣлалась бы очевидной для корпусовъ, потребуетъ, разумѣется, нѣкоторыхъ расходовъ, одновременныхъ на строительныя надобности и обзаведеніе въ размѣрѣ до 25 тысячъ на корпусъ и ежегоднаго (на веденіе дѣла)—не болѣе 8 тысячъ на каждое заведеніе. Понятно, что не такія, сравнительно ничтожныя траты, могли бы явиться препятствіемъ этому чрезвычайно полезному шагу.

Необходимо, наконецъ, посвятить нѣсколько словъ годичнымъ испытаніямъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ военно-учебное вѣдомство признало повѣрку усвоенія пройденнаго посредствомъ экзаменовъ бесплодной и даже не безвредной и отказалось отъ нея. Однако, въ послѣдніе годы постепенно совершается возвратъ къ этой праздно потертѣ времени, связанной съ жестокимъ расходованіемъ нервныхъ силъ воспитанниковъ. Глубоко прискорбно, что кадетскіе корпуса принуждены сдѣлать этотъ крупный шагъ назадъ, тѣмъ болѣе прискорбно, что при этомъ приходится бросать въ сторону ту обстоятельную и убѣдительную аргументацію, которую само же Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній преподало корпусамъ въ утвержденныхъ въ октябрѣ 1899 г. правилахъ, осудившихъ, казалось, безповоротно совершенную несостоятельность экзаменной системы. Если окончательные экзамены и оказывались бы неизбѣжнымъ зломъ, какъ способъ установленія очереди въ правахъ выпускныхъ кадетъ на занятіе вакансій въ специальныхъ и военныхъ училищахъ, то и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ограничить ихъ примѣненіе, только главными предметами, а по остальнымъ довольствоваться оцѣнкой годовыми баллами.

Заканчивая вопросъ о желательныхъ корректурахъ кадетскаго ученія, мы скажемъ, что постановка учебнаго дѣла въ корпусахъ рассчитана на работу исключительно талантливыхъ педагоговъ и очень даровитыхъ учениковъ съ отличной дошкольной подготовкой. Обстановка дѣйствительной жизни, конечно, не оправдываетъ такого расчета, и въ общемъ въ каждомъ корпусѣ оказываются средніе педагоги, учащіе и воспитывающіе среднихъ учениковъ. Возможно, что оба эти контингента, осуществляющіе школьную работу, заслуживаютъ нѣкоторыхъ упрековъ; но нельзя же мечтать передѣлать человѣческую натуру и приспособить ее къ облюбованной системѣ, слѣдуетъ измѣнить именно систему, которая всегда остается во власти учебнаго вѣдомства, и ее приноровить къ среднему уровню людей. Мы считаемъ наивными опасенія поступиться объемомъ и плотностью учебнаго курса. Сила вліянія школы не въ програмахъ, а въ личности преподавателя: сильный умомъ и обра-

зованностью, честный и воодушевленный любовью къ дѣтямъ и дѣлу учитель внесетъ съ собою блескъ истиннаго просвѣщенія, сухой же карьеристъ, съ печатью 20-го числа на всемъ своемъ обликѣ, лицемѣрной петактичностью выполненія широчайшихъ учебныхъ требъ убьетъ всякій слѣдъ духовнаго воздѣйствія школы.

ХІ.

Воспитаніе кадетъ. Очерченная реформа корпуснаго ученя неминуемо должна благотворно отразиться на воспитаніи кадетъ. Помимо того вліянія, которое окажетъ сближеніе ученя съ духовными склонностями ученика, возрастетъ свободное время, какъ результатъ сокращенія курсовъ. Этимъ временемъ ранѣ всего воспользуются преподаватели, которые будутъ имѣть возможность удѣлить часть урока воспитательнымъ цѣлямъ. Каждый учитель вольно или невольно оказываетъ на своихъ учениковъ то или иное воспитательное вліяніе, останавливая вниманіе слушателей на своемъ словѣ, отношеніи къ дѣлу и ученикамъ, вообще, на своихъ личныхъ особенностяхъ. Если воспитанники интересуются классной работой, возбуждаются ею, это дѣлаетъ ихъ въ высокой степени способными подчиниться нравственному воздѣйствію преподавателя; каждый добросовѣстный педагогъ приметъ это въ соображеніе и позаботится о томъ, чтобы въ подходящій моментъ создать во время урока воспитывающій импульсъ. Такая трата нѣкоторой доли учебнаго времени составляетъ высокій долгъ разумаго учителя, и если учебная реформа, устранивъ необходимость жадничать временемъ, откроетъ учителю болѣе широкую возможность его осуществленія, это будетъ большимъ выигрышемъ для воспитанія.

Еще больше выгодъ отъ времени, освобожденнаго сокращеніемъ курсовъ, упадетъ на долю работы воспитателя; онъ получитъ тогда свой ежедневный часъ бесѣды съ воспитанниками и ближе придвинется къ нимъ. Это вопросъ очень большого значенія, преимущественно для старшихъ классовъ, такъ какъ открываетъ дорогу для успѣха массоваго воспитанія юношества. Здѣсь мы повторимъ слова нашей брошюры («Какъ мы воспитываемъ дома и не воспитываемъ въ школѣ»): «юношей воспитываютъ идеи, высокіе порывы и убѣдительное живое слово; эти импульсы полнѣе воспринимаются и глубже усваиваются массой, которая широко комментируетъ ихъ, воспроизводитъ и создаетъ приверженность къ нимъ или антипатію. Отдѣльная личность испытываетъ среди своей массы извѣстный духовный гнетъ, быть можетъ, родъ гипноза и въ громадномъ большинствѣ случаевъ подчиняется ему. Поэтому воспи-

таніе въ юношескомъ возрастѣ должно быть преимущественно массовое... Направить массу, утвердить въ ней нравственныя основы, понятія о чести, долгѣ и самоуваженіи—это существенная доля воспитательной обязанности школы, такъ какъ послѣ этого воздѣйствіе массы окажется купелью Силоамской для нуждающихся въ помощи отдѣльныхъ единицъ».

Но какъ бы ни было благотворно для воспитанія отраженіе преобразованій въ учебномъ дѣлѣ, имъ невозможно удовлетворяться; здѣсь необходимы и самостоятельныя мѣры, и въ ихъ средѣ, на первомъ планѣ, мы поставимъ расширение кадетскаго чтенія. Старшимъ кадетамъ слѣдуетъ разрѣшить чтеніе газетъ и дать имъ ясное представленіе о новѣйшей «изящной» литературѣ.

Не можетъ существовать двухъ мнѣній о томъ, допустима ли въ школѣ политика. Тутъ ей не должно быть приюта. Но чтеніе газетъ вовсе и не является почвою для такихъ неумѣстныхъ насажденій, оно лишь служитъ цѣлямъ ознакомленія молодежи съ обстановкою и условіями жизни общества, съ современными теченіями мысли и вождедѣніями нѣкоторыхъ общественныхъ группъ. Юношество не можетъ избѣгать соприкосновенія съ ними, и школѣ, готовящей своихъ воспитанниковъ къ сознательной жизненной борьбѣ, менѣе всего подобало бы умалчивать о томъ, что можетъ поставить юношей въ опасное положеніе уже въ самомъ началѣ ихъ самостоятельнаго пути. Чтеніе газетъ, конечно возможно спокойнаго направленія и не страдающихъ яркой партійностью, не только доставить темы для бесѣдъ воспитателей, но и создаетъ въ молодежи участливость къ интересамъ родины, научить понимать ея дѣйствительныя нужды, т.-е. послужить цѣлямъ истиннаго патріотизма.

Болѣе щекотливую задачу представляетъ ознакомленіе старшихъ воспитанниковъ съ одурманивающими произведеніями современныхъ авторовъ; тѣмъ не менѣе надо осуществить это знакомство, такъ какъ для молодежи будетъ выгоднѣе, если оно совершится по инициативѣ преподавателей словесности, которые не упустятъ при этомъ использовать надлежащія рекомендаціи. Одною процовѣдью о добрѣ, правдѣ и красотѣ нельзя подготовить юношество къ дѣйствительной жизни, необходимо показать ему скрывающія ея злобу, ложь и бережно дать взглянуть въ ту бездну, гдѣ царитъ поклоненіе животному смыслу жизни и наглою простотѣ бездушныхъ взаимоотношеній; только такимъ путемъ школа оградитъ молодежь отъ возможнаго впоследствии смущенія, оплачиваемаго иногда слишкомъ дорогою цѣной.

Другая желательная мѣра подъема корпусного воспитанія за-

ключалась бы въ расширеніи довѣрія къ благоразумію и выдержанности старшихъ кадетъ. Временами слѣдовало бы ослаблять постоянный надзоръ и наблюденіе за каждымъ шагомъ воспитанниковъ и разъ въ недѣлю не назначать болѣе трехъ уроковъ, чтобы создать время для самостоятельныхъ занятій и внѣкласснаго чтенія. Полезно, сверхъ того, распространить возможность пользованія воскреснымъ отпускомъ на всѣхъ старшихъ кадетъ, изъ которыхъ многіе лишены этого развлеченія за неимѣніемъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Такія мѣры вмѣстѣ съ предпочтительной учебной работой по излюбленнымъ предметамъ создали бы тѣ моменты, когда ученикъ, будучи предоставленъ самому себѣ, формируетъ свою духовную индивидуальность и ограждаетъ ее отъ шаблонности, всегда возможной вслѣдствіе непрерывнаго школьнаго руководительства. Сверхъ того своевременное расширеніе правъ поднимаетъ въ человѣкѣ сознаніе личнаго достоинства, выдвигаетъ мысль о домѣ и обязанностяхъ, связующихся съ правомъ.

Остановимся еще на обязанности школы быть настойчиво требовательною и достаточно взыскательною по отношенію къ воспитанникамъ. Это весьма важная сторона воздѣйствія воспитательнаго заведенія, она способствуетъ формированію юношескаго характера, пріучаетъ къ настойчивости и трудолюбію, соответствію слова и дѣла, выработываетъ задатки послѣдовательности, твердости и рѣшительности. Но чтобы требовательность имѣла дѣйствительно воспитывающее значеніе, слѣдуетъ требовать только осуществимаго и ограждать запрещеніями только то, что безусловно недопустимо. Если ученье согласовано съ уровнемъ средняго ученика, если правила заведенія не страдаютъ расплывчатостью, не избилуютъ мелочами и подробностями, всякое неисполненіе требованій или ослушаніе запрету должны влечь за собою кару. Въ средѣ педагоговъ не рѣдкость встрѣтить людей, у которыхъ руки дрожать, когда имъ приходится взяться за наказаніе; такія руки не пригодны, конечно, не для одной только педагогической работы. Наказывать слѣдуетъ, когда надо, и въ военной школѣ, готовящей къ жизни по правиламъ воинской дисциплины, это особенно умѣстно; смѣшно думать, что это нарушитъ добрыя, сердечныя отношенія между воспитателемъ и воспитуемымъ: юношество не клянеть наказывающаго, но жаждетъ видѣть его справедливымъ, послѣдовательнымъ и непремѣнно участливымъ, понимающимъ необходимость не одного лишь наказанія, но и душевнаго сочувствія наказываемому и умѣющимъ своевременно и тепло проявить свою участливость. При этомъ мы повторимъ слова, сказанныя нами на

създѣ воспитателей въ 1908 году: «Для жнзни воспитывайте людей поближе къ жизненной правдѣ и покажите, что неблагоразумный, неосторожный, злой шагъ ведетъ къ бѣдѣ. Наказаніе—реализація рикошета этого неосторожнаго, злого шага; не бойтесь наказанія, какъ и хвалы».

Въ заключеніе мы считаемъ полезнымъ высказать, что между запрещеніями, которыя безъ всякой пользы пополняютъ ихъ длинный списокъ, стоитъ запретъ куренья. Кадетамъ старшихъ классовъ не слѣдуетъ запрещать курить табакъ, слѣдуетъ уничтожить ту безобразную обстановку, въ которой теперь совершается *повсемѣстное* нарушеніе этой празднои строгости. Эта мѣра устранить вынужденную и безспорно развращающую снисходительность, обнаруживаемую корпусами по отношенію нарушителей запрета куренья и сверхъ того своимъ прямымъ слѣдствіемъ будетъ имѣть замѣтное уменьшеніе числа курильщиковъ: сладость запрещеннаго плода умираетъ въ часъ смерти самого запрещенія, въ этомъ мы убѣдились произведеннымъ въ корпусѣ опытомъ.

Военное освѣдомленіе. Сущность преобразованій, которыя внесли бы дѣйствительное оживленіе въ дѣло спеціального приспособленія кадетъ, какъ мы далѣе пояснимъ, идетъ, къ сожалѣнію, въ разрѣзъ съ частными интересами нѣкоторыхъ лицъ педагогическаго состава; это очень досадный признакъ, который, однако, не долженъ тормозить назрѣвшихъ преобразованій. Ранѣе всего надлежитъ расширить и углубить военную освѣдомленность кадетъ и непосредственно приблизить ихъ къ арміи. Начиная со средних классовъ, надо въ самыхъ общихъ чертахъ дать молодежи основныя понятія о войскѣ, родахъ его, вооруженіи и снаряженіи, о передвиженіяхъ, объ обстановкѣ и общемъ складѣ жизни войскъ въ мирное время, о нуждахъ солдата и способахъ ихъ удовлетворенія, о педагогической роли офицера; необходимо нарисовать самую краткую схему боя. Всему этому и должно и возможно научить кадетъ не по учебникамъ и не на особыхъ лекціяхъ, а живыми словами рассказовъ; мѣсто имъ можно удѣлить и на занятіяхъ фронтомъ, иной разъ на свободномъ урокъ, а главнымъ образомъ на спеціальныхъ краткихъ сообщеніяхъ, иллюстрированныхъ эпизодами, рисующими красоту личнаго боевого подвига; молодежь обожаетъ такія сообщенія и заслушивается ими. Большую пользу принесетъ посѣщеніе войсковыхъ казармъ, осмотръ работъ, исполняемыхъ воинскими частями на практикахъ по саперному дѣлу и проч. Въ настоящее время кадетъ весьма охотно водятъ на всякія мѣстныя и передвижныя выставки, картинныя, кустарныя, садоводства,

птицеводства и т. п. Почему бы не посѣщать изрѣдка казармы, точно для будущаго офицера меньше пользы поглядѣть на солдата, чѣмъ на курицу.

Укажемъ еще на двѣ мѣры, придвигающія корпуса къ арміи. Меньшею изъ нихъ было бы непремѣнное участіе строевой роты въ парадахъ, назначаемыхъ въ высокаторжественные дни войскамъ мѣстнаго гарнизона. Теперь это только допускается съ разрѣшенія командующаго войсками.

Вторая мѣра должна выразиться въ ежегодномъ посѣщеніи 1-й роты войскового лагеря. Это посѣщеніе, разумѣется, не слѣдуетъ дѣлать продолжительнымъ: двѣ недѣли, думается, будутъ совершенно достаточнымъ срокомъ, такъ какъ не все, что дѣлается въ лагерѣ, окажется одинаково доступнымъ сознательному пониманію воспитанниковъ, не имѣющихъ еще требуемой теоретической подготовки. Было бы очень полезно, чтобы въ лагерѣ кадеты не оставались все время посторонними зрителями, но получали бы возможность нѣкотораго участія въ общихъ занятіяхъ въ призовой стрѣльбѣ, въ общемъ парадѣ.

Чтобы участіе въ призовой стрѣльбѣ оказалось возможнымъ, надо ввести для кадетъ VI и VII классовъ стрѣльбу изъ 3 лин. винтовки; нѣкоторые корпуса уже имѣютъ такой опытъ: дѣло шло хорошо, привлекало интересъ и стараніе юношей, изъ которыхъ лучшій стрѣлокъ получалъ наградной жетонъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ имѣется нѣсколько кадетскихъ корпусовъ, и если бы посѣщеніе лагеря строевыми ихъ ротами было осуществлено, лучшаго стрѣлка изъ всѣхъ собранныхъ кадетъ можно было бы удаивать особаго значка.

Военное ознакомленіе кадетъ въ намѣченныхъ предѣлахъ представляетъ настолько сложную задачу, что требовало бы уже тщательной организаци и искуснаго руководства. Этимъ вопросамъ и намѣрены теперь посвятить нѣсколько словъ.

Ж. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

